

The background of the cover is a misty, atmospheric illustration of a cemetery. In the foreground, a cluster of white crocuses with purple streaks on their petals is in full bloom, set against a bed of brown autumn leaves. The flowers are illuminated by a warm, golden light that creates a soft glow and bokeh effects. In the background, dark, silhouetted tombstones and bare trees are visible through the fog, adding a somber and mysterious tone to the scene.

АТРЭЙ БЛЭКВУД

ГОЛОС
ЦВЕТОВ

Атрэй Блэквуд

Голос цветов

<https://litres.ru/74296534>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Голос цветов» — мрачная история на стыке мистического хоррора и психологической драмы, пронизанная лавкрафтианским ощущением древней, равнодушной силы, что таится под привычной оболочкой мира.

После смерти дедушки Томаса Джеймс остаётся один на один с тяжёлой пустотой и тайнами родных мест. На могиле деда за одну ночь вырастают странные цветы: полупрозрачные, пульсирующие тусклым светом, они будто сотканы из самого тумана. Рассказ исследует тонкую грань между памятью и одержимостью, скорбью и саморазрушением, показывая, что иногда самое страшное чудовище — это наша собственная неспособность отпустить.

Атрэй Блэквуд

Голос цветов

Серый день казался застывшим. Птицы в лесу за кладбищенской оградой словно вымерли — ни одного крика, ни одного шороха в тяжёлых, налитых свинцом кронах. Джеймс стоял у свежей насыпи, чувствуя, как холод пробирается сквозь подошвы ботинок. Ему казалось, что из этого мира выкачали все звуки, оставив только глухой, ровный стук его собственного сердца.

Дедушка Томас ушел тихо, но оставил после себя пустоту, которую невозможно было заполнить. Он был единственным, кто по-настоящему знал эти места. Джеймс до сих пор помнил его сухую, шершавую ладонь и неторопливый голос, рассказывающий о старых лесных тропах. «Земля — она ведь живая, Джейми, — говорил старик, глядя в костёр. — Она помнит каждый шаг, каждого, кто по ней прошёл. А корни под нами сплетаются как вены. Наша кровь и их сок — всё одно...» Тогда, в детстве, это казалось красивой сказкой. Сейчас, глядя на сырую, комковатую глину могилы, Джеймс чувствовал, как эти слова пускают корни в его собственном разуме.

Едва рассвело на следующий день, Джеймс снова был здесь. Ноги сами привели его на погост — глупая болезненная привычка человека, который не успел сказать самое важ-

ное. Туман лежал на надгробиях плотным саваном.

Джеймс сделал шаг к холмику земли и замер. Шаг назад. Глаза отказывались верить.

На чёрной, потревоженной вчера лопатами земле росли цветы. За одну ночь они пробили тяжёлую глину и вытянулись вверх почти на ладонь. Это не были кладбищенские астры или полевые ромашки. Станные, длинные, почти прозрачные бутоны покачивались без ветра. Их лепестки казались сотканными из самого тумана, застывшего вопреки законам природы. Они выглядели хрупкими, но в их неестественной форме было что-то хищное, глубоко неправильное.

Джеймс ушёл, напуганный собственными мыслями, но весь день во рту стоял сухой привкус страха, а перед глазами стояли бледные стебли.

Ночью он вернулся. Кладбище спало, зажатое между чёрной стеной леса и низким небом. Джеймс пробрался к могиле со старым фонарем, но щёлкать выключателем не пришлось.

Цветы светились.

Это не было яркое фосфорическое сияние. Скорее — тихий, едва заметный глазу пульсирующий свет, шедший из самой глубины полупрозрачных бутонов. Словно внутри каждого лепестка теплилась чья-то слабая, задыхающаяся жизнь. Стебли мерно вздрагивали, словно перекачивали под землей невидимую жидкость.

Как в трансе, Джеймс сделал шаг вперед. Колени косну-

лись влажной земли. Из горла вырвался хриплый вздох, когда он протянул руку. Пальцы, окоченевшие от ночного холода, коснулись бледного, матового лепестка.

Мир вокруг не просто дрогнул — он рассыпался в пыль.

Джеймса швырнуло вперёд, сквозь время и пространство. В глаза ударил невыносимо яркий, ослепительный свет. Летний полдень. Знойный воздух дрожал над землей. Дедушка Томас стоял у деревянной калитки своего дома. Он был жив, подтянут, слегка щурился от солнца и тихо, едва слышно напевал под нос какую-то старую охотничью песню.

Джеймс почувствовал густой, до боли знакомый запах свежескошенной травы и нагретой солнцем смолы. Под ногой деда с характерным, родным скрипом прогнулась старая половица. Всё это не было смутным воспоминанием — Джеймс физически находился там. Он чувствовал кожей тепло этого ушедшего дня, слышал жужжание шмеля у куста малины. Это было реальнее, чем само кладбище.

Но не успел он закричать, как картинка с треском лопнула, сменившись ледяной темнотой.

Теперь он был в доме. Ночь. Горела лишь одна тусклая лампа. Дедушка сидел в своем глубоком кресле, намертво вцепившись пальцами в облезлые кожаные подлокотники. Его дыхание было тяжелым, с хрипом и свистом. Джеймс увидел его глаза — в них не было страха перед смертью. В них горело горькое понимание. Старик знал, что его время истекло, и в эту последнюю секунду ему было жаль только

одного — что он не успел, не смог сказать Джеймсу то самое, главное. Что-то, от чего зависела жизнь его внука.

Видение оборвалось так же внезапно, как и началось.

Джеймс отшатнулся от могилы, упав на спину в сырую траву. Его трясло. Сердце колотилось в горле, а к груди он судорожно прижимал руки, словно физически пытался удерживать внутри себя эти ускользающие картины. Липкий ночной туман снова обволакивал кладбище, но Джеймс его не замечал. В его голове всё еще скрипела половица, а в носу стоял запах дедовского табака и скошенного луга.

Он посмотрел на светящиеся бутоны. Одержимость, чистая и жуткая, родилась внутри него в эту секунду. Он знал, что вернется сюда завтра. И послезавтра. Он заставит эти цветы отдать ему каждую секунду жизни деда, чего бы это ни стоило.

Толпа росла с каждым днём, зажав кладбищенские ворота в плотное кольцо серого тряпья и плащей. Дождь едва сеял, но земля вокруг могилы Томаса уже превратилась в сплошное грязное месиво. Десятки ног топтали глину, но никто не уходил. На Джеймса смотрели как на святого и прокаженного одновременно. От его прежнего лица осталась лишь бледная тень: круги под глазами почернели, пальцы мелко дрожали, а губы высохли до трещин. Но люди видели в нем только одно — ключ от запертой двери.

— Пожалуйста, Джейми, только один разок... — умоляла вдова старого паромщика, протягивая ему мокрый, пахну-

щий сыростью шерстяной платок. — Мой Стефан... он ведь ушёл по весне, даже не попрощался. Позволь мне просто взглянуть.

Джеймс не отвечал. Он молча кивнул и подвёл её к ограде. Цветы к этому времени изменились. Туманные бутоны разрослись, налились тяжелым, свинцово-белым свечением, а их стебли стали толстыми как человеческие запястья. Под прозрачной кожицей растений теперь отчётливо проглядывали тёмные, пульсирующие нити, похожие на вены, по которым лениво перегонялась какая-то густая жидкость.

— Не держитесь за видение, — привычно, деревянным голосом произнес Джеймс. — Пусть оно пройдёт само. Не зовите его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.